

Толпа наконец опомнилась. Люди бросились разнимать дерущихся. Тонкие ручонки и ножонки Гоуданя накрепко перехватили, но малец отчаянно брыкался, рвался назад и вовсю орал, порываясь снова ринуться в драку.

— Гоудань, паршивец, да уймись ты наконец! — Шуаныцзы сгреб его в охапку и крепко прижал к себе. Мужчина не на шутку испугался: промедли они еще немного, и Хэймэй, придя в себя, просто пришибла бы сопляка.

— Ах ты ж ублюдок поганый, на меня кидаться вздумал?! — Хэймэй визжала как резаная, задыхаясь от бешеной ярости. — Да я из тебя всю душу вытрясу, тварь мелкая! Пустите меня, я его пришибу на месте, и никто мне слова не пикнет!

Женщина буквально исходила пеной: тело ломило от ушибов, а разбитое колено болело так, будто сустав разлетелся в щепки.

Староста деревни только головой покачал. Чэнь А-да даже не пошевелился — так и стоял, съежившись в сторонке. Потеряв терпение от такого бесстыдства, староста гаркнул на деревенских баб, прибежавших на шум, чтобы те немедленно оттащили беснующуюся Хэймэй.

— Я тебя сам придушу, карга злыдня! — истошно голосил Гоудань. — Ты же Ван Сюаня чуть не убила! Тебя за решетку упекут! Пускай тебя в Революционном комитете судить будут, помещица проклятая! Чучело ты болотное!

Хэймэй орала во всё горло, но на душе у неё скребли кошки. Вид неподвижного мальчишки, который лежал будто неживой, пугал её до усрачки. Весь её недавний апломб был лишь попыткой снять с себя вину, заставить всех поверить, что она тут ни при чём. Но кто же знал, что откуда ни возьмись выскочит этот мелкий задира и устроит такой разнос?

Ноги у неё заметно подкашивались — удар по колену пришёлся знатный, боль так и пульсировала.

Слова про Революционный комитет и суд напугали её ещё сильнее. Впрочем, лицо у неё было настолько грязным и смуглым, что внезапной бледности никто не заметил. Ей только и оставалось, что сквозь зубы огрызаться на Гоуданя.

Всё закрутилось слишком быстро, зеваки растерянно переглядывались. Праздное любопытство разом улетучилось. Если в деревне Сикань случится смертоубийство, позор ляжет на всех без исключения. Репутация общины пострадает так, что от этого клейма потом вовек не отмоешься.

В те годы каждый понимал: если деревню признают отсталой, пиши пропало. В районе на них будут смотреть как на прокажённых, да и головы поднять перед соседями не дадут.

Ли Сы прибежал на сушильный ток весь в мыле. Завидев, как его Гоуданя держат за руки, а тот вовсю честит взрослую бабу, он опешил. Стоило на миг отвернуться — и сын уже ввязался в такую жуткую свару!

— Сынок! Гоудань! Ты чего творишь? Ох батюшки, а с лицом-то что? Откуда кровь?! — Ли Сы запричитал от ужаса. Для него рана на теле единственного сына была страшнее любой беды.

— О, Ли Сы, наконец-то! — крикнул кто-то из толпы. — Давай, уйми своего сорванца!

Когда соседи наперебой объяснили, что тут стряслось, Ли Сы взглянул на расцарапанные щёки сына, и в груди у него вскипели гнев и жалость. На веку этого безответного бедняка никто не видел его в ярости, но сейчас он впервые сорвался на крик, повернувшись к Хэймэй:

— Ты что ж творишь, бесстыжая?! Сама здоровая бабища, а на ребёнка с кулаками бросилась! Совсем стыд потеряла!

Свой ребёнок всегда ближе к телу, и стерпеть такую обиду Ли Сы просто не мог. На лице Гоуданя алели глубокие борозды — явно следы ногтей этой змеи. Какая же жестокая тварь!

— Это твой щенок на меня первый накинулся! — взвизгнула Хэймэй, утирая сопли. — Глянте, что он с моим носом сделал! Кровь ручьём хлестала! А колено?

Она с шипением закатала штанину, демонстрируя багрово-синий, быстро раздувающийся отёк.

Ли Сы поначалу хотел возразить — мол, как такой кроха мог свалить взрослую бабу? Однако стоявший рядом Шуаньцзы вполголоса поведал ему, как Гоудань технично протаранил Хэймэй головой. Весь запал Ли Сы мгновенно испарился, он смущённо забормотал что-то невнятное. Драться с чужими взрослыми — дело нехорошее, и его крестьянская совесть тут же дала о себе знать.

Заметив его нерешительность, Хэймэй мгновенно оживилась. Ага, замялся!

— За побои платить придётся! — победно взывала она. — Я вся в синяках! Гони компенсацию! Двадцать юаней... нет, пятьдесят! Живо выкладывай!

У Ли Сы аж дыхание перехватило. Пятьдесят юаней! Да где ж он возьмёт такие деньжищи?

— Хрен тебе, а не деньги! — выплюнул Гоудань, тыча пальцем то в свои расцарапанные щёки, то в лежащего без чувств Ван Сюаня. — Это ты нам должна! И мне, и Сюаню! Ты ему башку пробила, он помереть может!

Окружившие их люди шушукались. Одни ворчали, что Хэймэй совсем озверела, другие

косились на Гоуданя — дескать, ишь какой малец лютый растёт, страшно связаться. Но вмешиваться никто не спешил. Лишь сердобольная соседка да тётушка Юэ хлопотали над Ван Сюанем, осторожно стирая кровь с его бледного лица.

Как только Шуаньцзы опустил Гоуданя на землю, тот сразу подбежал к Ван Сюаню. Убедившись, что друг дышит, он вытер рукавом сочащуюся из собственных царапин кровь и решительно подошёл к старосте.

— Дедушка староста, Ван Сюань весь кровью истекает. Может, отвезём его в Коммунальную больницу? Пусть ему укол поставят? — В детском понимании Гоуданя уколы и горькие микстуры были настоящим чудом, способным поднять на ноги любого покойника.

Староста опешил. Отродясь в их глуши дети не просили о таком. Деревенские спокон веков любую хворь или рану переносили на ногах — приложат подорожник, перевяжут чистой тряпицей, да и ладно. Кто ж пойдёт в Коммунальную больницу из-за разбитого лба? Там ведь за каждый чих платить надо, а лишней копейки ни у кого сроду не водилось.

— Ну, малец... — замялся староста. — Тётушка Юэ его уже перевязала. Видишь, кровь больше не идёт? А она у нас как-никак босоногий врач, дело своё знает.

— Правда? Точно не помрёт? — Гоудань, будучи совсем ещё ребёнком, верил каждому слову старосты как закону и отчаянно искал у него подтверждения.

— Не помрёт, — вздохнул староста. — Крови много потерял, вот и сомлел. Очухается, съест парочку яиц — и пойдёт на поправку.

Договорив, староста осёкся. Какие, к лешему, яйца? Сюань бы просто в себя пришёл, а уж до сытной еды ли тут... Но поделатъ ничего нельзя. Чэнь А-да — тряпка, бабу свою унять не может, вон и сейчас стоит, словно воды в рот набрал, пока его племянник на земле валяется.

У самого старосты дома ртов — девать некуда, сыновья, снохи, внуки мал мала меньше. Своих бы прокормить, куда уж чужую безотцовщину на шею вешать? В деревне дети пачками растут, никого этим не удивишь. Как ни крути, а Ван Сюаню кроме дядьки деваться некуда.

Но спускать Хэймэй этот случай на тормозах было нельзя. Если сейчас промолчать, авторитет старосты в деревне рухнет окончательно, никто его слова ни в грош ставить не будет.

Староста знатно пропесочил Чэнь А-да и его злую бабу, потребовал, чтобы те не смели больше обижать мальчишку, и велел ухаживать за ним, когда тот очнётся. Напоследок он разогнал притихшую толпу по домам — до полуденных работ оставалось всего ничего.

Гоудань с недоумением наблюдал за происходящим. Ему такой исход казался в корне неверным.

— Дедушка староста, а если они опять его бить начнут? — растерянно спросил он. — Опять голодом морить будут, заставят батрачить от зари до зари, да ещё и колотить почём зря? Что тогда делать?

Староста лишь тяжело вздохнул. Семейные дразги — дело тёмное. Сам он, хоть и стоял во главе деревни, разорваться не мог. Забот выше крыши: распределить людей на работы, следить за посевной и уборкой, вовремя выполнять указы районного начальства... Свободной минуты нет. Да и родня они всё-таки, одна кровь. Не случись сегодня такого скандала, он бы и носа в чужой двор не сунул. В конце концов, в крестьянских семьях побои — обычное дело. Подвернулся ребёнок под горячую руку непутёвым родителям, огреб на орехи, поплакал в углу да и побежал дальше. Кому тут жаловаться? Соседи разве что поохают для приличия, пожурят немного, но жить-то им всё равно под одной крышей. Все так испокон веков векут. Что он, чужой уклад ломать пойдёт?

— А что тут сделаешь? — негромко проговорил староста. — Доля у парня такая, сиротская. Мать в сырой земле, отцу до него дела нет. Уйдёт он от А-да — и куда подастся? Кому нужен лишний рот? Кто его кормить станет?

У Гоуданя глаза так и вспыхнули.

— Я его прокормлю! — горячо воскликнул он, хватая старосту за рукав и не давая сделать ни шагу. — Пусть у нас живёт! Наша семья его заберёт!

— Эх, малец, да что ж ты заладил-то, слов не понимаешь? — отмахнулся староста. — Сюань должен жить у дяди, так положено.

"Сам на отцовской шее сидишь, а туда же — благодетель выискался!" — подумал он про себя.

— Но вы же сами видели! — не унимался Гоудань. — Эта ведьма живого места на нём не оставила! Да это же чистое кулацкое зверство, как в старые времена!

— Мал ещё такие речи вести, — строго оборвал его староста, опасливо оглянувшись. — Язык-то попридержал бы, откуда в нашей деревне кулаки? И даже если его поколотили, тебе-то что? Домой ты его забрать не волен, пускай с дядькой живёт.

Староста-то прекрасно понимал: отдай мальчишку в семью Ли Сы — и пиши пропало. Вся деревня знала, что Ли Сы едва сводит концы с концами, им с сыном самим жрать нечего, в котелке частенько шаром покати. Какая тут лишняя душа? Они ж все вместе с голоду вымрут.

Ван Сюаню у Чэнь А-да жилось несладко, спору нет — и голодал частенько, и побои терпел. Но А-да всё же приходился ему родным дядей по матери, так что совсем подохнуть с голоду не даст, хоть какую-никакую похлёбку из отрубей да плеснёт в миску. Перетерпит сирота ещё несколько лет на этих скудных щах, подрастёт, начнёт сам выходить в поле и зарабатывать рабочие баллы. А там окрепнет, заматерееет, на ноги встанет, глядишь — и своим хозяйством

обзаведётся.

К тому же, откажись Чэнь А-да от племянника, забота о сироте тяжким бременем ляжет на плечи старосты. Кому нужен этот геморрой? В то, что нищий Ли Сы сможет поднять двоих парней, староста не верил ни на грош. Выйдет только лишняя обуза для всей общины. Каким бы хорошим человеком ни был староста, своя рубашка всегда ближе к телу. Время было голодное, нищее. У него у самого дома куча внучат недоедала, где уж тут вешать на шею чужого нахлебника?

Так что наивные речи этого сопливого мальчика только раздражали умудрённого горьким опытом крестьянина.

<http://bllate.org/book/19654/1951531>